

РОССИЯ

В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ

ПРОГНОЗ-КОНЦЕПЦИЯ

Виктор Алексеевич ГАЙКИН,
кандидат исторических наук

Если к истории человечества применить известный гегелевский закон «отрицание отрицания», то можно выделить три больших этапа (гегелевская триада). Первый — формирование человека как биологического вида начинается с появления протолюдей и заканчивается разделением труда и возникновением первых государств. Второй — этап «эксплуатации человека человеком» и развитие на этой основе производительных сил. Третий этап начнется тогда, когда мир вступит в постиндустриальную эпоху роботизации, полной автоматизации производства, выхода человека из сферы производства, освобождения его от необходимости ежедневного труда ради хлеба насущного. Второй этап является отрицанием первого (первобытного коммунизма). Третий (постиндустриальное общество) отрицает второй этап (эксплуатации, борьбы классов), возвращаясь к первому этапу на качественно новой основе.

Как известно, конфронтация, борьба есть закон движения (развития) как биологической, так и социальной формы материи. Таким образом, каждому из вышеуказанных этапов должен соответствовать доминантный тип конфликта. Первый этап бесклассовый, поэтому классовой борьбы существовать не могло. Межплеменные войны «имели место быть». Но были ли они доминантным типом конфронтации, влиявшим на человечество в глобальном плане, изменявшим его облик, географию расселения? Вряд ли. В основе этих конфликтов, как правило, лежали внеэкономические факторы. Ценного имущества не было (господствовал принцип «Все свое ношу с собой»). Захват рабов не имел смысла. Н. Миклухо-Маклай во время пребывания в Микронезии отмечал: «Войны очень часты в архипелаге, и самые ничтожные причины считаются достаточными для ведения их». Самое интересное, что во время войны «женщины и даже мужчины могут безопасно посещать селения неприятелей и жить в них»¹. Возможно, что смысл таких «бессмысленных» войн заключался в необходимости регулировать численность населения в условиях ограниченной территории.

В книге «Яноама» описывается жизнь племени южноамериканских индейцев (существовавших как бы в каменном веке), среди которых автор прожил 20 лет (с 1937 по 1957 г.) Это племя постоянно конфликтовало с тремя другими племенами. Причинами конфликтов почти всегда были попытки (часто успешные) захвата женщин, которых делали женами. Племена вступали друг с другом во временные союзы, которые распадались, возникали в другом составе. Хотя эти войны были довольно серьезными, с многочисленными жертвами, впечатление такое, будто наблюдаешь не имеющие причин и послед-

ствий детские ссоры. Например, в качестве мести вытаптывались посевы табака, банановые плантации враждебного племени².

Уже то, что происходил постоянный обмен женщинами в виде их захвата, означает, что племена не считали друг друга «чужими» в полном смысле этого слова. Их перманентные конфликты, возможно, были формой естественного отбора — внутривидовой борьбой. Действительно, в животном мире внутривидовая борьба представляет собой именно борьбу из-за самок за право на продолжение рода. Правда, в стае борьба соперников практически никогда не ведет к убийству аутсайдера. В этом отношении человек пошел дальше. Но это объяснимо: звери, как правило, не знают понятия мести. А лишившийся жены, сестры, дочери индеец часто пытался убить врага хотя бы для того, чтобы «сохранить лицо».

Если считать межплеменные войны в рамках одной расы в неолите внутривидовой борьбой, логично предположить, что у людей, еще не обрвавших «пуповину», связывавшую их с животным миром, существовала и межвидовая борьба. Таковой могла быть только межрасовая конфронтация. Учитывая полное отсутствие научных знаний о мире, человечестве, веру, в тотемизм (происхождение каждого племени от определенного животного), можно предположить, что для белого кроманьонца человек с черной кожей был явно существом другого вида (не отсюда ли легенда о чудовищах, циклопах, троллях и т. д.?) Похожего мнения придерживался известный советский этнограф В.П. Алексеев: «Столкновения с людьми иного физического типа стали происходить... в процессе далеких миграций. В результате этих столкновений постепенно могло возникнуть у людей ощущение, что те, кто отличается физически, большие враги, чем враги непосредственные, близкие, похожие на них самих»³.

Изучая жизнь американских индейцев, этнографы пытаются воссоздать формы семейной и социальной жизни первобытного человека, его верования, представления о мире. В этом плане характерна легенда североамериканских индейцев о сотворении людей: боги вылепили людей из глины и положили обжигать в печь. Те, кого вынули раньше времени, не дошли «до кондиции», получились бледно-розового цвета (европейцы). Те, которые пробыли в печи столько, сколько нужно, получились отличного кирпичного оттенка (индейцы). И, наконец, те, кого, заболтавшись, боги вынули слишком поздно, обуглились (негры). Здесь мы наблюдаем снисходительно-презрительное отношение к людям другой расы, возникшее в обществе, где, казалось бы, не было никаких объективных предпосылок к расизму. По мнению выдающегося этнографа Эдуарда Тайлора, «коварные и злые карлики в скандинавских сагах — не кто иные, как лапландское население, в древности распространенное в Северной Европе. Именно такими они казались европеоидам»⁴.

Межрасовые конфронтации при отсутствии оружия массового уничтожения были не войной на уничтожение, а скорее «выдавливанием» чуждого этноса, борьбой за установлением ареалов расового обитания. Они приводили к вытеснению одних рас другими, переделу Евразийского материка, заселению Америки, Австралии. Известно, что в эпоху неолита в Минусинских степях на огромных пространствах от Красноярска до границы Хакасии с Тувой жили европеоиды. Это не был европейский анклав в стране монголоидов, такие же европеоиды жили в III—II тыс. до н.э. на Алтае, в Казахстане. Начиная с верхнего палеолита, это было мощное переселение европеоидов на восток. В эпоху бронзы даже Тува была страной европеоидов. Наблюдалась следующая закономерность. В эпоху бронзы и неолита европеоиды распространились на восток по зоне степей вплоть до Западной Монголии. А монголоиды в неолите освоили северные районы западносибирской тайги и европейских лесов, вплоть до Прибалтики (современные латгалы — потомки монголоидов) и даже Центральной Германии. Однако великое переселение народов на рубеже нашей эры, отбросив европеоидов на их прародину, изменило границы расовых ареалов в пользу монголоидов, поставив надолго точку в этом территориальном споре.

Древнейшие негроиды (точнее австралоиды), по мнению В. Алексеева, еще в палеолите ушли «из центральных районов Западной Европы на восток в результате их вытеснения более специализированными формами. Они уступили свои места расам, образовавшимся на их основе»⁵ (европеоидам). Негроидно-австралоидная раса освоила тропическую зону. Ее ареал — это Африка, юг Индии, Юго-Восточная Азия, Новая Гвинея, Австралия.

По мнению американского исследователя Р. Фидлера, «Если две или более этнические группы с идентичным способом эксплуатации пытаются использовать одни и те же ресурсные ниши экосистемы, то конфликт между ними будет угрожать их независимому существованию в качестве дискретных этнических единиц. Более сильные группы будут доминировать над более слабыми, меньшинства будут изгоняться, ассимилироваться или уничтожаться»⁶.

Разумеется, расовые миграции (конфронтации) не приводили к полному вытеснению (уничтожению) аборигенных этносов с их территории. В процессе межрасовых контактов создавались промежуточные расовые типы. Например, ведды на юге Индии, ханты и манси в Западной Сибири и др. Тем не менее доминирующей тенденцией эпохи формирования человека как биологического вида была расовая дивергенция (дифференциация), а не конвергенция, о чем говорит появление в палеолите двух древних ветвей одного ствола (европеоидов и негроидов) и второго ствола (монголоидов). Все три расовых типа сохранились до наших дней и даже укрепили свою расовую самостоятельность, создав в основном этнически однородные государства.

Второй этап в развитии человечества начался с появления первых классовых государств в долинах великих рек. Он продолжается и в настоящее время. Говоря о доминантном для этого этапа типе конфликта (и исходя из гегелевского закона), констатируем замещение расового (внеэкономического) антагонизма экономическим — классовой борьбой, межгосударственными конфликтами, преследующими экономические цели: захват рабов, грабеж материальных ценностей, обложение данью, захват колоний, рынков сбыта... То, что эти антагонизмы, как правило, не носили расового характера, подтверждается уже реалиями рабовладельческих государств. В Древней Греции, Древнем Риме не было высшей и низшей расы (рабы — и белые, и желтые, и черные). Общество разделялось на рабов и свободных не по признаку расовой принадлежности. Ни в одном литературном, правовом произведении того времени мы не находим ссылки на физический облик человека в качестве обоснования его рабского состояния. У мыслителей древности нет и доли снисходительного отношения к представителям другой расы, которое отразилось в приведенной выше легенде североамериканских индейцев. Отличительными чертами возникшего на рубеже веков (в национальной Римской империи) христианства были его всемирность и принцип равенства всех перед Богом.

В период средневековья папа римский благословлял убийство сарацинов не потому, что они были темнокожими (арабами), а потому, что были иноверцами. Грабеж и убийства конкистадорами индейцев происходили не потому, что они принадлежали к другой расе, а из-за того, что у них было золото и они были беззащитны. Вспомним нерасовый союз, заключенный Александром Невским с Ордой против тевтонов. И, наконец, вспомним состав коалиций, сражавшихся друг против друга во второй мировой войне. С одной стороны, Япония, Германия, Италия, с другой — Россия, Китай, США.

При переходе к третьему этапу в процессе дальнейшего развития капитализма цивилизованные различия будут уменьшаться. Рыночная экономика с неизбежностью ведет к росту свободы индивида от государства (в том числе и на Дальнем Востоке). В то же время на Западе усиливается роль государства в регулировании экономических процессов, возрастает «социальность» экономики. Налицо признаки конвергенции двух социально-экономических систем. И, наконец, дальнейшая роботизация промышленности в силу единых зако-

номерностей развития техники приведет к однородности структур и процессов как на Западе, так и на Дальнем Востоке, цивилизационные различия снимутся практически полностью.

Одновременно человек освобождается от экономической зависимости, выходит из «сферы непосредственно производства» (роботизация), как когда-то в неолите человечество разорвало путы, связывавшие его с природой (перейдя от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству). «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»⁷.

Это будет означать, что человечество вступило в третий этап своего развития, так называемое постиндустриальное общество. Теперь, если опять же исходить из гегелевского закона, на первый план вновь должна выступить расовая конфронтация (доминантный конфликт первобытного общества), ибо третий член гегелевской триады повторяет первый, только на другом качественном уровне (причиной конфронтации может стать резкий рост народонаселения). В борьбе за место под солнцем именно расовый фактор разделит человечество на два лагеря для нового передела материков.

Можно ли уже сегодня разглядеть признаки изменения национального менталитета, подтверждающие данный тезис? Мировоззрение восточного человека в принципе иерархично, что является следствием тысячелетних традиций восточной деспотии, государственного крепостничества, всеобщей зависимости. Для японцев другие нации располагаются как бы на ступеньках своеобразной иерархической лестницы (нерасовой). Китайцев они считают равными себе, корейцы как бы чуть ниже, филиппинцы — почти «люди-дикари». Свое место в табели о рангах имеют и европейцы. В Маньчжоу-Го такой порядок был почти официальным: 1-е место японцы, 2-е — корейцы, 3-е — китайцы.

Даже сами японцы не все одинаковы. К реэмигрантам из колоний (после 1945 г.) японцы метрополии долго относились, как к чужакам. В Японии более 700 тыс. корейцев, но нет и не было ни одного корейца — члена парламента. (Для примера — президентом Перу был японец, в российском Верховном Совете и Думе были и есть депутаты-корейцы). Японский ребенок в отличие от русского с младых ногтей знает, кто свой, а кто чужой. Причем чужой — это и корейский мальчик, и мальчик-европеец, который, даже великолепно зная язык, никогда не станет не только вожаком детского японского коллектива, но даже просто его полноправным членом. (Известный российский политический деятель Ирина Хакамада, японка по отцу, в детстве была вожаком группы русских сорванцов в Подмоскovie). Это не расовое чувство, а скорее чувство стаи. Своя семья, где ребенок чувствует себя защищенным, своя школа (переход в другую школу для маленького японца почти трагедия), своя фирма, своя страна. Однако чувство стаи при определенных обстоятельствах может перерасти и в расовое чувство (раса — тоже стая). В 1953 г. 20 % японцев считали себя избранным (высшим) этносом, в 1986 г. — уже 71 %⁸.

Как отмечал Гегель, «Восточная нация ограничивает религию собой одной, и религия выступает полностью привязанной к этой одной национальности. В Римскую империю проникали все религии и не считались там национальными, на Востоке же религия целиком связана с национальностью. Китайцы, персы имеют свою государственную религию, которая существует только для них»⁹.

В этой возможной расовой конфронтации черная раса будет вместе с белой расой по одну сторону баррикад противостоять желтой расе. Как известно, белая и черная расы, образно выражаясь, — две ветви одного ствола, в то время как монголоиды — это как бы другое дерево. Эти два дерева — древний австралоид и древний синантроп имели определенные морфологические различия.

В прогнозах относительно будущего мира и места в нем России нет недостатка. Это и концепция Хантингтона о войне цивилизаций и сюрреальное

предложение академика Е. Примакова о союзе России, Китая и Индии. Что касается второй концепции, то она напоминает высказывание гоголевской невесты о том, что хорошо бы соединить нос Петра Ивановича, рост Николая Сергеевича и деньги Ивана Ивановича, получился бы идеальный жених.

Если все же спуститься с небес на землю, то надо признать, что Китай в любом союзе согласится только на доминирующую роль, Россия удовлетворится ролью как минимум равноправного участника и никогда ролью «ведомого». У Индии слишком серьезные разногласия с Пекином, позволяющие в лучшем случае надеяться на плохой мир, который, естественно, лучше доброй ссоры. Таким образом, «волк, коза и капуста» в одной лодке оказаться не могут. Кстати, и Пекин, и Дели сразу же открестились от подобной перспективы. (Более вероятно присоединение Индии к Евразийскому союзу — Россия, Центральная Азия, Корея, Япония). Так называемое «стратегическое партнерство» России и Китая — это временный, во многом вынужденный альянс двух пока слабых государств, каждое из которых в будущем, видимо, станет сверхдержавой — силовым центром.

Вернемся к прогнозу Хантингтона. Если наша концепция расовых войн — это прогноз развития событий в постиндустриальном мире (с конца XXI в.), то Хантингтон рассматривает судьбу человечества в XXI в. Его межцивилизационные войны — последняя глобальная конфронтация современного общества, где доминантный конфликт — экономический. Цивилизация — это религия, культура, традиции, надстроечно связанные с формами экономической жизни, которые в свою очередь определяют географией, климатом. Комплексная роботизация приведет, во-первых, к нивелированию специфики экономических форм, таких, как европейская, китайская или японская модели. Во-вторых, «выход человека из сферы собственно производства» освободит его от экономической зависимости, а значит, опосредованно — и от связей с конкретной цивилизацией, повысит его всемирность. Глобализация ведет отчасти к унификации духовной жизни (и в Тегеране, и в Токио молодежь слушает американскую музыку). Ислам в своем консервативном варианте не соответствует идеологии капитализма (с его индивидуализмом, всемирностью). Поэтому процесс развития рыночной экономики ведет к размыванию строгих очертаний фундамента ислама, отказу от наиболее одиозных его постулатов. В Алжире исламские фундаменталисты рассматриваются как основное препятствие на пути прогресса.

Мусульманский мир отнюдь не «фундаментально» однороден. Большинство ближневосточных стран ориентируется на союз с Западом, даже несмотря на стратегический альянс США с Израилем. Для центральноазиатских стран борьба с исламским фундаментализмом — актуальная проблема. Межцивилизационный конфликт может произойти скорее как локальная реакция (пароксизм) на подавление национальной специфики. Но в этом случае он не будет слишком сильным.

Межрасовая война в конце XXI в. гораздо реальнее. Если глобализация — естественноисторический процесс, то предупреждение межрасовой конфронтации должно стать системной политикой по созданию единого мира. Первый этап — создание межгосударственных союзов (Единая Европа — уже реальность). Второй — интеграция этих союзов в единое планетарное образование. Если пустить дело на самотек, то к концу XXI в. (ко времени выхода человека из сферы производства) возможен вариант создания на планете не единого мира, а двух антагонистических — монголоидного и европеоидного. Поскольку это совпадет со сменой доминантного конфликта с экономического на расовый, то расовая война будет неизбежна.

Поскольку основными оппонентами в расовой войне выступают монголоиды и европеоиды, то соответственно главным театром военных действий будет Евразия. Расовая война станет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которой вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Ее ведение не

будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя). Главная (и единственная) ее цель — полное уничтожение расы — антагониста.

Именно Россия должна будет выполнить роль интегрирующей силы (Запад — Восток) благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и потому, что по ее территории проходит Транссиб — готовая артерия, связывающая Европу и со Средней Азией, и с Дальним Востоком. Следует приложить усилия к тому, чтобы восстановить грузооборот Транссиба, существовавший в 80-е годы. Это вопрос не столько сегодняшней экономической выгоды, получаемой от эксплуатаций магистрали, сколько стратегический, связанный с будущим планеты и местом на ней России. Роль Транссиба будет состоять в «правильной» организации евразийского пространства. Соответственно дезорганизующую роль сыграет так называемый «евразийский транспортный коридор», который планируется создать в обход России. Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протезирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии»¹⁰. На самом деле ничего хорошего в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. Евразийский транспортный коридор по мысли разработчиков проекта заканчивается мегаполисом в устье р. Туманган. Однако в результате он может стать столицей монголоидного мира.

В евразийской системе Россия должна будет стать третьим интегративным центром (наряду с Европейским сообществом и Китаем), привязав к себе монголоидные государства Центральной Азии, Корею и Японию и тем самым опередив Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств: Китай, Корея, Япония, Монголия, Центральная Азия.

Процесс становления единого мира будет двуступенчатым: первый этап — создание блоков, второй — слияние их в единый глобальный организм. В процессе этой кристаллизации важно помешать созданию расово однородных союзов, связывая в единые экономические системы расово различные государства. Великолепный пример такого органичного союза — бывшая Российская империя, в которой действовали и привилегии местных элит, поддерживавших империю, и практическое равенство всех национальностей, и единое экономическое пространство.

Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй «Мюнхен». Доктор Хайнц Тиммерман из Кёльнского института исследования Восточной Европы в своей статье-меморандуме откровенничает: «Целью политики Запада должны быть нелегитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка путем формирующихся в его рамках субрегиональных объединений типа ГУАМ или Центральноазиатского экономического пространства (Казахстан, Киргизия, Узбекистан. — **В.Г.**).

Таким образом должна быть усилена поддержка проекта «Евразийского транспортного коридора»¹¹. Оставив Россию ни с чем, европейцы столкнутся с гораздо более опасным противником — мощным монголоидным блоком, созданным при активном участии ООН. Запад должен понять, что те мнимые выгоды, которые он получит, исключив Россию из системы интеграции Запад — Восток, заведут этот процесс в тупик и ударят бумерангом по тому же Западу.

Преобразование России в ядро Евразийского союза более необходимо Европе, чем самой России. В случае расовой войны и обмена ядерными ударами между НАТО и дальневосточным монголоидным блоком у густонаселенной Европы не будет никаких шансов выжить. Почти столь же страшные последствия ждут и Дальний Восток. На всем Евразийском материке после ядерной катастрофы лишь бескрайние российские просторы (Сибирь) смогут в определенной степени гарантировать жизнь своему населению.

Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского (экономического) союза — не каприз «кремлевской верхушки», а закономерный этап мирового экономического процесса. Логика исторического развития потребует присоединения к этому блоку Узбекистана, Монголии, Кореи, Японии. (Не обязательно, но возможно и желательно расширение этого сообщества за счет Индии, Афганистана, Ирана). Два проекта будут реальным шагом на пути осуществления данной концепции. Это проект моста на Сахалин и тоннеля между Сахалином и Хоккайдо, в результате Транссиб соединится с японскими железными дорогами. И также необходим проект соединения Транссиба с Транскорейской железной дорогой. У мирового сообщества нет другого выхода, кроме как совместными усилиями строить структуру будущего безопасного мира. В этом будущем мире Россия «обречена» на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским союзом и Китаем), снижающего до минимума расовое напряжение между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

То, что концепция расовых войн не химера, подтверждают различные высказывания видных деятелей, главным образом из стран зарубежного Дальнего Востока. Так, Чу Тыххэ, губернатор корейского национального округа в КНР, в 1964 г. заявил: «Необходима общая борьба Кореи, Японии, Вьетнама. Для этого нужно изучать способы укрепления связей этих стран. Они имеют общие культурные традиции... Необходимо установить боевую дружбу с Японией»¹². В июне 1998 г. в интервью японской газете «Асахи» известный китайский писатель корейского происхождения Ким Чэкук сказал: «Для преодоления экономических трудностей Япония, Китай и Корея должны объединить свои усилия, и это сотрудничество определит будущее Северо-Восточной Азии»¹³.

Увы, такой вариант «будущего», основанного на создании расовых союзов, ведет скорее всего к расколу мира (хотя в принципе возможен вариант создания расовых союзов с последующей их интеграцией, но в этом случае расовый маятник может качнуться в сторону конфронтации). Многое будет зависеть от того, какой из двух процессов завершится раньше — выход человека из «сферы собственно производства» или приведение мира к единому экономическому знаменателю. Если первый процесс пройдет быстрее, реальна перспектива создания расовых союзов и балансирования на грани войны. Поэтому приоритетной становится задача создания разнорасовых союзов. В этой обстановке большое значение приобретает субъективный (человеческий) фактор. Подобно тому, как камень, скатившийся с горы, вызывает сход снежных лавин. Именно поэтому важна направленная системная политика по организации единого мира, в результате которой «расовые лавины» пойдут в нужном, безопасном для человечества направлении.

¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Соч. М., 1993. Т. 3. С. 260.

² Бионка Этторе. Яноама. М., 1972. С. 7, 21, 40, 165.

³ Алексеев В. В поисках предков. М., 1972. С. 12.

⁴ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 188.

⁵ Алексеев В. В поисках... С. 169.

⁶ XIV Тихоокеанский конгресс. Комитет Л. М.: ВИНТИ, 1979. Т. 2. С. 120.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 386, 387.

⁸ Гайкин В.А. Традиции и реальность // У карты Тихого океана. 1988. № 7. С. 52.

⁹ Гегель. Философия религии. М., 1977. Т. 2. С. 113.

¹⁰ Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. № 2. С. 42.

¹¹ МЭИМО. 1998. № 12. С. 45, 46.

¹² Гайкин В.А. Туманган // Россия и АТР. 1994. № 2. С. 52.

¹³ Асахи. 1998 г. 4 июня.

SUMMARY: Candidate of Historical Sciences Victor Gaikin in his article «Russia in the Postindustrial World» pretends to make a prognosis-conception. On the base of ethnographic studies, analysis of race — relations, given in historical aspect and his own conclusions the author prognosticates the development of events in Russia in future.